

УДК 165.9

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.4.89-98>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Эпистемические добродетели и пороки
студентов-философов в оценках профессоров
Императорского Казанского университета
(по материалам рецензий на медальные сочинения
1913-1916 гг.)**

Хорт М.Г.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д. 18 корп. 1, Российская федерация*

Аннотация. В статье исследуется академический ethos дореволюционной философии в Казанском университете через анализ рецензий профессоров на студенческие медальные сочинения 1913–1916 годов. Исследование базируется на методологии «моральной экономики» науки, предполагающей изучение неформальных ценностей и практик научного сообщества. Основное внимание уделяется реконструкции системы эпистемических добродетелей и пороков, которые формировали нормативные границы профессионального сообщества. Анализ выявляет две взаимосвязанные группы добродетелей. Фундамент составляли «релайабилистские» добродетели, обеспечивавшие надежность знания: филологическая точность, скрупулезная работа с первоисточниками, методическая корректность и стилистическая ясность. На их фундаменте базировались «респонсилистские» добродетели, направленные на генерацию нового понимания: критическая автономия, методологическая рефлексия, междисциплинарная смелость и самостоятельность постановки проблем. Иерархия пороков, таких как поверхностность, стилистическое несовершенство и фактологические ошибки, выстраивалась как строгая антитеза этим добродетелям. Таким образом, академический ethos казанской философской школы представлял собой целостную систему, сочетавшую воспроизведение классических стандартов «нормальной науки» с поощрением интеллектуальной ответственности и творческого развития норм.

Ключевые слова: академический ethos, моральная экономика науки, эпистемические добродетели, интеллектуальная история, университетская философия

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта, предоставленного Академией наук РТ в 2024 году, проект №5002 «Разработка и внедрение цифрового интеллектуального пространства по изучению и популяризации региональной философской мысли Виртуальный музей-библиотека “Казань философская”».

Для цитирования: Хорт М.Г. Эпистемические добродетели и пороки студентов-философов в оценках профессоров Императорского Казанского университета (по материалам рецензий на медальные сочинения 1913–1916 гг.). *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(4(71)):89–98.

Epistemic Virtues and Vices of Philosophy Students in the Evaluations of Professors at the Imperial Kazan University (Based on Reviews of Prize-Winning Essays from 1913–1916)

Khort M.G.

Kazan Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, 420008, Kazan, Russia

Abstract. The article examines the academic ethos of pre-revolutionary philosophy at Kazan University through an analysis of professors' reviews of students' prize-winning essays from 1913–1916. The study is based on the methodology of the «moral economy» of science, which involves studying the informal values and practices of a scholarly community. The primary focus is on reconstructing the system of epistemic virtues and vices that shaped the normative boundaries of the professional community. The analysis reveals two interconnected groups of virtues. The foundation consisted of «reliabilist» virtues ensuring knowledge reliability: philological accuracy, meticulous work with primary sources, methodological correctness, and stylistic clarity. These underpinned «responsible» virtues aimed at generating new understanding: critical autonomy, methodological reflection, interdisciplinary boldness, and independent problem-setting. The hierarchy of vices, such as superficiality, stylistic imperfection, and factual errors, was constructed as a strict antithesis to these virtues. Thus, the academic ethos of the Kazan philosophical school represented an integrated system that combined the reproduction of classical «normal science» standards with the encouragement of intellectual responsibility and the creative development of norms.

Keywords: academic ethos, moral economy of science, epistemic virtues, intellectual history, university philosophy

Acknowledgements: The research was funded by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in 2024, project No. 5002 "Development and Implementation of a Digital Intellectual Space for the Study and Popularization of Regional Philosophical Thought: The Virtual Museum-Library 'Kazan Philosophical'."

For citation: Khort M.G. Epistemic Virtues and Vices of Philosophy Students in the Evaluations of Professors at the Imperial Kazan University (Based on Reviews of Prize-Winning Essays from 1913–1916). *The Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2025;(4(71)):89–98 (In Russ.)

Введение

Социальная история науки долгое время представляла прогресс знания как безличный процесс, движимый развитием «рационально организованных и регулируемых институтов» [1, p.3]. Однако в последние десятилетия внимание исследователей всё чаще привлекает «моральная экономика» научного сообщества. Под ней подразумевается сложная система ценностей,

аффектов и неформальных правил, которая определяет повседневную жизнь учёных и конституирует сами условия производства знания. Этот поворот обусловил обращение историков и философов науки к неожиданным источникам, призванным реконструировать неформальные правила и ценности, определявшие жизнь академического сообщества.

Типичным примером такого подхода является исследование Кристиана Энгбертса, который через анализ переписки между философом Вильгельмом Вундтом и его учеником Гуго Мюнстербергом раскрывает диалектику двух ключевых академических добродетелей: критической независимости и коллегиальной лояльности [2]. Указанные ученые по-разному понимали то, как должна выражаться академическая благодарность и лояльность ученика к учителю. Мюнстерберг, уже будучи успешным профессором в Гарварде, демонстрировал свою верность ритуально. Он размещал портрет Вундта в своей лаборатории и посыпал ему первые экземпляры своих книг. Вундт же, упрекая ученика в «поспешной и недостаточно зрелой» работе, в своих письмах намекал, что истинная благодарность и лояльность проявляются не в символах, а в добросовестном, тщательном и методичном труде, свободном от карьерных расчетов. Этот частный, почти интимный конфликт, зафиксированный в эпистолярном наследии, является важным источником для исследования академических норм XIX века.

Микроанализ, подобный реализованному Энгбертсом, показывает, что академический ethos формируется в конкретных взаимодействиях. Однако для его полного понимания недостаточно изучать лишь межличностные отношения и поощряемые добродетели. Не менее важную роль играет коллективное определение и осуждение тех практик, которые сообщество считает недопустимыми — исследовательских пороков. И здесь масштаб анализа можно расширить. Если Энгбертс фокусируется на конфликте внутри одной научной школы, то другие исследователи, как например, Сжанг Хаген и Герман Пол, показывают, что целые дисциплины использовали риторику интеллектуального порока для самоопределения [3]. Так, немецкие исто-

рики и физики XIX века единодушно предостерегали коллег и учеников от «спекуляции», «отсутствия здравого смысла» и «чрезмерной систематизации», которые, по их мнению, воплощали в себе философы-идеалисты. Эта риторическая практика служила четкому разграничению новых эмпирических исследований от старой натурфилософии и гегельянской философии истории. Создаваемый ими негативный образ «философа» функционировал как своеобразное «соломенное чучело», что позволяло эмпирически ориентированным дисциплинам на контрасте подчеркнуть свою приверженность таким исследовательским добродетелям, как точность, ясность изложения и опора на фактический материал. Таким образом, пороки оказывались концептуально и риторически неотделимы от добродетелей, а их осуждение было центральным элементом «пограничной работы» по самоопределению новых научных сообществ.

Указанные примеры показывают, что изучение «моральной экономики» науки требует выхода за рамки официальных публикаций и обращения к анализу оценочных практик. Под последним подразумеваются все повседневные действия, в которых учёные оценивают друг друга и тем самым воспроизводят и пересматривают границы допустимого и желаемого. Такими практиками могут служить частная переписка, редакторская работа в журналах, оппонирование на защитах диссертаций, написание рекомендательных писем и, что особенно важно для нашего исследования, рецензирование [2, р. 13, 17–18]. Именно в этих жанрах наиболее отчётливо обсуждаются контуры эпистемического идеала, методологических ориентиров, а также того, что сообщество считает недопустимым.

Настоящая статья продолжает эту исследовательскую программу, перенося её в контекст казанской дореволюционной философии. Мы предлага-

ем исследовать её академический ethos через анализ, на первый взгляд, маргинального, но чрезвычайно репрезентативного источника – отзывов профессоров на так называемые медальные или конкурсные сочинения студентов.¹ Эти тексты, хранящиеся в архиве Казанского университета, являются уникальным материалом, поскольку сами по себе представляют важные интеллектуальные свидетельства, раскрывая собственные философские позиции, приоритеты и круг тем, волновавших дореволюционных философов. В суждениях о студенческих работах выражаются методологические установки состоявшихся исследователей, что делает эти отзывы своего рода краткими, но концентрированными философскими манифестами или критическими эссе. Также эти документы обладают значительным биографическим потенциалом, так как зачастую написаны на работы студентов, которые в дальнейшем сами стали профессиональными учёными, публицистами или общественными деятелями.

Наиболее же важно для наших целей то, что именно в этих рецензиях состоявшиеся учёные в явной и дидактической форме проговаривают, к чему должен стремиться и чего избегать начинающий исследователь. Они прямо высказывают похвалу за «тщательность», «самостоятельность мысли», «критический анализ источников» или, напротив, порицают за «поспешность»,

«незрелость суждений», «неблагодарность» к предшественникам, а также, по аналогии с немецкими коллегами, за «спекулятивность» или «отсутствие здравого смысла». Здесь, как и в корреспонденции Вундта и Мюнстерберга, работает язык академических добродетелей и пороков. Эти высказывания являются материалом для реконструкции той системы ценностей, которая усваивалась новыми поколениями учёных в стенах российских университетов. Таким образом, анализ рецензий на студенческие сочинения позволяет заглянуть в «закулисье» философского образования и производства знания в дореволюционной России. Благодаря ему можно увидеть, как формировалась локальная моральная экономика отечественной философии, какие интеллектуальные добродетели в ней ценились выше других, какие пороки считались наиболее разрушительными и как в педагогическом процессе передавался не только набор идей, но и набор этических и интеллектуальных установок, конституирующих учёного как члена профессионального сообщества.

Таким образом, объектом настоящего исследования выступают оценочные высказывания казанских дореволюционных профессоров философии, зафиксированные в рецензиях на медальные сочинения студентов. Целью работы является реконструкция академического ethos российской (казанской) философии указанного периода через системный анализ словаря добродетелей и пороков, который использовали наставники для оценки начинающих исследователей. Научная новизна исследования заключается, во-первых, во введении в научный оборот нового корпуса источников; во-вторых, в применении оптики «моральной экономики» науки и истории академических добродетелей к материалу отечественной интеллектуальной истории, что позволяет перейти

¹ Медальные (конкурсные) сочинения – форма поощрения академических успехов студентов в российских дореволюционных университетах, предполагавшая написание научной работы на заданную факультетом тему. Институционализированные Уставом 1804 г., они были сохранены Уставом 1835 г., который ввел процедуру анонимного написания работ под девизом с последующей коллегиальной оценкой. Устав 1863 г. придал им высокий статус, разрешив засчитывать удостоенные медали сочинения в качестве кандидатской диссертации. Устав 1884 г. сохранил практику, но несколько снизил её значение в новой системе аттестации, отменив возможность засчитывать такие сочинения в качестве кандидатских работ [4, с. 169–170].

от истории идей и институтов к истории практик формирования «scholarly persona.¹ Проблема, на решение которой направлена статья, состоит в преодолении абстрактного представления о нормах академической культуры и в выявлении конкретных ценностных ориентиров, которые направляли становление философа как профессионала в дореволюционной России. Актуальность данной проблематики обусловлена ее связью с научными задачами современной философии науки и образования: пониманием механизмов трансляции и воспроизведения академических ценностей, а также исследованием педагогических измерений производства знания. Практическая значимость работы видится в том, что реконструированная модель академического ethos может служить инструментом для компаративного анализа и основой для рефлексии о современных педагогических практиках и критериях научной добросовестности.

Материалы

Эмпирическую основу данного исследования составляет корпус из шести отзывов, написанных профессорами Казанского университета на медальные сочинения студентов в 1913-1916

годах. Общий объем данных текстов – примерно 76 тысяч печатных знаков. Данные рецензии сохранились, поскольку они публиковались в качестве приложения к ежегодному отчету о деятельности университета.

Центральное место в исследовании занимают три отзыва, составленные Иваном Ивановичем Ягодинским – признанным специалистом по философии Лейбница. Особый интерес представляет его отрицательная рецензия, поскольку именно в ней наиболее отчетливо проявляются границы допустимого в академической философии того времени. Другой значимый блок источников образуют две рецензии эпистемолога и специалиста по античной философии Александра Дмитриевича Гуляева, написанные на работы одного и того же студента, Константина Ивановича Сотонина. Этот материал особенно показателен, поскольку позволяет проследить формирование научной преемственности: впоследствии Сотонин сам стал академическим философом и признавал определяющее влияние Гуляева на становление своих взглядов. Завершает корпус рецензия Владислава Францевича Залесского, профессора юридического факультета, специализировавшегося на философии права. Включение его рецензии в анализ позволяет выявить общие черты философского ethos, транслировавшиеся через разные факультеты университета.

Результаты

Анализ указанных рецензий позволяет реконструировать сложную систему эпистемических добродетелей и пороков, составлявших ядро академического ethos дореволюционной философии. Важно, что эти рецензии представляли собой официальные документы, что придавало выраженным в них оценкам характер общепризнанных стандартов академического сообщества.

Система эпистемических добродетелей в казанской академической среде выстраивалась вокруг нескольких ключевых принципов, причем их иерархия и взаимосвязь прослеживаются с определенной последовательностью во всех анализируемых документах. Центральное место занимала работа с первоисточниками, выступавшая не просто техническим требованием, но гарантом академической добросовестности. Так, Ягодинский в рецензии на работу Гурьянова 1913 года специально отмечает преимущественное использование первоисточников при наличии авторитетных второстепенных работ как особое достоинство [6, с. 21], тогда как в отрицательной рецензии на анонимное сочинение именно пренебрежение первоисточниками становится главным основанием для неприятия работы. Профессор с возмущением констатирует, что автор ограничился компиляцией из вторичного и поверхностного конспекта Тувере, что привело к катастрофическому упрощению материала: «9 огромных страниц французского текста Герхардта, содержащих множество самого разнообразной материала, у автора в его изложении занимают только 2,5 страницы» [7, с. 34]. Эта добродетель тесно связывалась с филологической точностью. Ягодинский, например, отдельно упрекает студента за пропущенную опечатку в издании Эрдманна, что свидетельствует о культивации предельной внимательности к тексту как основе профессиональной честности исследователя [6, с. 22].

Второй важнейший комплекс добродетелей касался методологической рефлексии и системности мышления. Гуляев в рецензии на работу Сотонина 1914 года особо выделяет примененный метод «имманентной критики» [7, с. 4], под которым подразумевается скрупулезное сопоставление интерпретаций Наторпа с текстами Платона, что позволяет студенту выявить «со-

зательную модернизацию и кантизацию Платона немецким философом». Ягодинский в рецензии на работу В.М. Ермолаева¹ 1916 года, напротив, упрекает автора в «смещении точек зрения», то есть попытке оценивать метафизическую концепцию Лейбница с позиций психофизиологического монизма, подчеркивая таким образом важность сохранения контекстуальной адекватности и методологической дисциплины [9, с. 36]. Эти требования отражают стремление к концептуальной строгости, то есть работа должна представлять собой не просто сумму знаний, а целостное интеллектуальное произведение с внутренней логикой и последовательностью. Показательно, что Ягодинский в рецензии на Гурьянова критикует незавершенность заключительной главы, лишенной общей синтезирующей идеи, видя в этом нарушение принципа системности [6, с. 21].

Особый интерес представляет проблема допустимой степени критичности и самостоятельности мышления. Гуляев одобряет «злое остроумие» Сотонина в разборе Наторпа, видя в этом не недостаток, а достоинство, посколь-

¹ Вадим Михайлович Ермолаев (1892–1955) был выдающимся выпускником историко-филологического факультета Императорского Казанского университета. В своей конкурсной работе он на 618 страницах обсуждает переписку Г. Лейбница с Р. Бойлем. Известно, что Лейбниц был не только метафизиком, но и одним из пионеров научной статистики. Именно в его трудах и особенно переписке содержатся предложения по систематическому сбору и анализу демографических данных для нужд государственного управления. Примечательно, что именно статистика в дальнейшем стала профессиональным призванием В.М. Ермолаева: он стал одним из первых руководителей Госплана ТАССР и заведующим кафедрой статистики в Казанском финансовом институте [8]. Помимо этого, он на протяжении всей жизни увлекался конструированием арифмометров (конструкция которых восходит к вычислительным машинам самого Лейбница). Все это указывает на глубокую и непрерывную связь между его образованием и последующей профессиональной деятельностью.

ку оно служит разоблачению интеллектуальной недобросовестности [7, с. 5]. Однако Залесский в рецензии на работу Овчинникова осуждает «непосильную для студента критику первоклассных мыслителей», выражившуюся в «поверхностных и наивных замечаниях», указывая тем самым на важность соразмерности критических амбиций исследовательской компетенции [9, с. 50]. Это противоречие раскрывает сложный баланс, который поддерживался в академическом этосе между поощрением самостоятельности мышления и требованием академической скромности, между смелостью в полемике и необходимостью обоснованности критических суждений.

Знакомство с рецензиями позволяет проследить, как граница между добродетелью и пороком часто определялась конкретным контекстом и уровнем подготовки исследователя. В частности, междисциплинарность, которую Гуляев одобряет в работе Сотонина 1915 года как «сверхдолжную заслугу» [10, с. 25] (она состояла в реконструкции «мирочувствования европейского пранарода» на основе данных сравнительного языкознания), у Овчинникова превращается в порок, когда приводит к фактическим ошибкам в исторических примерах. Аналогично, критическая смелость, поощряемая в разборе Наторпа, осуждается как «наивность» при анализе «первоклассных мыслителей». Эта контекстуальная зависимость оценок свидетельствует о гибкости академического этоса, его способности дифференцировать требования в зависимости от исследовательской ситуации и уровня зрелости автора.

Эпистемические пороки в системе оценок казанских профессоров выстраивались как строгая антитеза добродетелям. Наиболее серьезным преступлением против академического этоса считалась поверхностность, выражавшаяся в неспособности опре-

делять суть исследуемой проблемы. Ягодинский в отрицательной рецензии дает уничижительную характеристику такой работе: «моросящий дождь из философских терминов» без связной мысли, где автор демонстрирует полное непонимание предмета, ограничиваясь механическим переложением источников [7, с. 34]. Эта «скомканность изложения», по его оценке, свидетельствует об отсутствии не только «прилежания, но даже просто корректности» [7, с. 34].

Столь же нетерпимым пороком признавалось стилистическое несовершенство, причем профессора проявляли единодушие в его критике. Ягодинский в рецензии на работу Гурьянова указывает на неотделанность стиля, проявляющуюся в отрывочности, повторах и трудных для понимания пассажах [6, с. 20]. Залесский в отзыве на сочинение Овчинникова идет дальше, диагностируя влияние «газетного жаргона» и критикуя «сухость» и тоже «отрывистость» изложения [9, с. 48]. Особенно показателен случай, когда Ягодинский с откровенным раздражением цитирует неудачные выражения анонимного автора: «настоящее есть беременная мать будущего» (вместо корректного «чревато будущим»), «более великие животные... рождаются способом трансформации», усматривая в подобном языке принципиальную неспособность к точному философскому мышлению [7, с. 35].

Академический этос казанской философии проявляется особенно рельефно в тех случаях, когда профессора, признавая существенные недостатки, тем не менее рекомендуют работы к высшей награде. Это раскрывает систему приоритетов, где содержательная исследовательская программа ценилась выше формального совершенства. Ягодинский поддерживает работу Гурьянова, несмотря на стилистические погрешности, потому что видит в ней продуманный план и

метод, позволившие автору самостоятельно разобраться в сложном философском памятнике и предложить новую интерпретации». Гуляев хвалит сочинение Сотонина 1914 года, характеризуя его как обширное и серьезное исследование, несмотря на стилистическую «необработанность». Залесский признает труд Овчинникова заслуживающим высшей награды, хотя и констатирует серьезные фактологические ошибки и стилистические недостатки, поскольку видит в работе систематический характер изложения и успешное выполнение историко-философской задачи.

Сравнительный анализ рецензий позволяет проследить эволюцию исследовательского идеала – от требований филологической точности и методической корректности к поощрению междисциплинарной смелости и самостоятельной постановки проблем. Траектория Сотонина особенно показательна: от «блестящего выполнения стандартных требований» в 1914 году к созданию исследования с «собственной методологией» в 1915-м. Если в первой работе рецензент Гуляев отмечает успешное применение метода «имманентной критики», то во второй говорит о «сверхдолжной заслуге» междисциплинарного синтеза. Эта динамика демонстрирует, как в рамках академического этоса культивировался переход от усвоения норм к их творческому развитию, что отражало интеграцию российской философии в общеевропейское научное пространство, где ценность исследования определялась не только безупречностью формы, но и способностью к генерации нового знания.

Выводы

Проведенный анализ выявляет сложную архитектонику академического этоса дореволюционной российской философии, понимаемого как нормативная система интеллектуаль-

ных добродетелей и пороков, конституирующих границы профессионального сообщества. В системе ценностей казанской философской школы четко прослеживается взаимодействие двух уровней эпистемических добродетелей. С одной стороны, фундаментальную основу составляли релайабилистские добродетели, ориентированные на производство доказуемых истин в условиях «нормальной науки». К ним относились требования филологической точности, проявлявшейся в скрупулезной работе с первоисточниками (Ягодинский специально отмечает использование первоисточников и игнорирование второстепенной литературы как особое достоинство), методической корректности (критика «смещения точек зрения» у Ермолаева) и стилистической ясности (единодушное осуждение «газетного жаргона» и «отрывистости» изложения). Эти добродетели обеспечивали воспроизведение базовых стандартов профессионального сообщества и функционировали как механизм контроля качества исследовательской продукции. С другой стороны, не менее значимую роль играли респонсилистские добродетели, связанные с генерацией нового понимания и выходящие за рамки дисциплинарных границ. Поощрение Гуляевым «злого остроумия» Сотонина в полемике с Наторпом, признание «сверхдолжной заслуги» в междисциплинарном синтезе, поддержка исследовательской смелости – все это свидетельствует о ценностной ориентации на развитие критической автономии и методологической рефлексии. Особенно показателен баланс, который профессора поддерживали между поощрением самостоятельности мышления и требованием академической скромности, между смелостью в полемике и необходимостью обоснованности критических суждений. Таким образом, единство этих двух уровней формировало ядро академи-

ческого этоса, в котором идеальный исследователь мыслился как носитель инструментария «нормальной науки», обладающий интеллектуальной ответственностью для его творческого применения и пересмотра.

Рассматривая данный этос в более широком социальном контексте, его можно атрибутировать к классической, аристотелевской модели, основанной на приоритете фундаментального знания и автономии академического сообщества. Требования скрупулезной филологической внимательности, методологической рефлексии и концептуальной строгости выступали не только как эпистемические императивы, но и как форма «пограничной работы», ограждавшей пространство университетской философии от диктата сиюминутной утилитарности. Иными словами, казанская философская школа последовательно стремилась сохранить себя в качестве непруденциального социального блага, чья ценность не сводима к непосредственной практической отдаче. Упреки в «поверхностности», «скомканности» и стилистическом непрофессионализме были направлены против всего, что ассоции-

ировалось с дилетантизмом и внешним вмешательством в автономный мир академического знания.

Таким образом, реконструированный этос представляет собой целостную нормативную систему, в которой эпистемические добродетели были органично связаны с социальными функциями академического сообщества. Через механизм педагогической оценки происходила не только трансляция конкретных знаний, но и формирование особого типа *scholarly persona*, для которой профессиональная компетентность, интеллектуальная честность и автономия суждения составляли нерасторжимое единство. Этот локальный казанский вариант российского академического этоса является важным свидетельством зрелости и саморефлексии отечественной университетской культуры, сумевшей сохранить классические академические ценности накануне исторических потрясений XX века. Сохранение этого этоса остается актуальной задачей и в современных условиях, когда наука и образование подвергаются давлению утилитарных требований.

Список литературы / References

1. Shapin S. *The Scientific Life: A Moral History of a Late Modern Vocation*. – Chicago: University Press, 2008. 488 p.
2. Engberts C. *Scholarly Virtues in Nineteenth-Century Sciences and Humanities: Loyalty and Independence Entangled*. Springer, 2022. 226 p.
3. Hagen S., Paul H. *The Icarus flight of speculation: Philosophers' vices as perceived by nineteenth-century historians and physicists*. *Metaphilosophy*. 2023; (54 (2-3)):280–294.
4. Антощенко А.В. О значении студенческих конкурсных сочинений в формировании профессиональных историков в дореволюционных российских университетах (случай Г.П. Федотова). *Мир историка: историографический сборник*. Выпуск 10. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2015. С. 168–189.
5. Antoshchenko A.V. On the significance of student competitive essays in the formation of professional historians in pre-revolutionary Russian universities (the case of G.P. Fedotov). *The World of the Historian: Historiographical Collection. Issue 10*. Omsk: Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, 2015. P. 168–189. (In Russ.)
6. Paul H. *What Is a Scholarly Persona? Ten Theses on Virtues, Skills, and Desires*. *History and Theory*. 2014; (53):348–371.
7. Отзывы о сочинениях студентов Императорского Казанского Университета, представленных в 1913 году на задан-

ные факультетами темы для соискания наград медалями (Приложение к Годичному отчету о состоянии Императорского Казанского университета за 1912 год). Казань: типо-лит. ун-та, 1913. 37 с.

Reviews of Essays by Students of the Imperial Kazan University, Submitted in 1913 on Topics Set by the Faculties for the Award of Medals (Appendix to the Annual Report on the State of the Imperial Kazan University for 1912). Kazan: University Typo-Lithography, 1913. 37 p. (In Russ.)

7. Отзывы о сочинениях студентов Императорского Казанского Университета, представленных в 1914 году на заданные факультетами темы для соискания наград медалями (Приложение к Годичному отчету о состоянии Императорского Казанского университета за 1913 год). Казань: типо-лит. ун-та, 1914. 37 с.

Reviews of Essays by Students of the Imperial Kazan University, Submitted in 1914 on Topics Set by the Faculties for the Award of Medals (Appendix to the Annual Report on the State of the Imperial Kazan University for 1913). Kazan: University Typo-Lithography, 1914. 37 p. (In Russ.)

8. Давыдов Д.В. «Его руками создана статистика Татарии» (о статистике В. М. Ермолаеве). *Эхо веков*. 2009; (1):101–104.

Davydov D.V. “His hands created the statistics of Tatarstan” (about the

statistician V.M. Yermolaev). *Echo of the Ages*. 2009; (1):101–104. (In Russ.)

9. Отзывы о сочинениях студентов Императорского Казанского Университета, представленных в 1916 году на заданные факультетами темы для соискания наград медалями (Приложение к Годичному отчету о состоянии Императорского Казанского университета за 1915 год). Казань: типо-лит. ун-та, 1916. 67 с.

Reviews of Essays by Students of the Imperial Kazan University, Submitted in 1916 on Topics Set by the Faculties for the Award of Medals (Appendix to the Annual Report on the State of the Imperial Kazan University for 1915). Kazan: University Typo-Lithography, 1916. 67 p. (In Russ.)

10. Отзывы о сочинениях студентов Императорского Казанского Университета, представленных в 1915 году на заданные факультетами темы для соискания наград медалями (Приложение к Годичному отчету о состоянии Императорского Казанского университета за 1914 год). Казань: типо-лит. ун-та, 1915. 84 с.

Reviews of Essays by Students of the Imperial Kazan University, Submitted in 1915 on Topics Set by the Faculties for the Award of Medals (Appendix to the Annual Report on the State of the Imperial Kazan University for 1914). Kazan: University Typo-Lithography, 1915. 84 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Хорт Михаил Геннадьевич, кандидат философских наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. Author ID 57211906295; ORCID 0000-0003-4284-6533, e-mail: mgkhort@kpfu.ru

Information about author

Mikhail G. Khort, Candidate of philosophical sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. Author ID 57211906295; ORCID 0000-0003-4284-6533, e-mail: mgkhort@kpfu.ru

Поступила в редакцию 20.10.2025; принятa к публикации 17.11.2025.
Received 20.10.2025; Accepted 17.11.2025.